

«Гюльчатай, открой личико», «Восток — дело тонкое», «Махмуд, зажигай», «За державу обидно»... Все эти крылатые выражения — из «Белого солнца пустыни», любимого фильма советских космонавтов. Говорят, перед вылетом, на Байконуре, космонавты всегда смотрят это кино — традиция у них такая. Еще бы, картина объединила и русские народные сказки, и лучшие приемы ковбойских фильмов, может, поэтому и стала бестселлером. Одним из авторов ее сценария был Владимир Мотыль.

А чем занимается Владимир Яковлевич сейчас? Об этом мы с ним и поговорили в доме творчества в Болшеве.

— На высших режиссерских курсах веду мастерскую. Есть талантливые ребята. Слава Богу, на таланты Россия богата. Проблема в том, что талант человека может быть скрыт.

Вот Сергей Параджанов — мировое имя, но первые его фильмы прошли незамеченными. И только «Тени забытых предков» стали триумфом. А у Эйзенштейна уже первый фильм стал событием. Научить творческой профессии нельзя — можно лишь научиться. Если у человека от Бога талант, то мастер может сократить его путь к себе, помочь узнать свои сильные и слабые стороны. К тому же искусство постоянно обновляется, но обновление идет не по прямой, а по спирали, учитывая достижения

прошлого. Чаще всего те, кто пытается творить на голом месте, рвутся сразу к первооткрытию — и терпят крах.

— Приведите пример.

— Да чуть ли не каждый второй... Рвутся немедленно сотворить что-то такое, чего не было. В этом они видят главное достоинство. Вот Снежкин договорился до того, что с профессиональными актерами не надо иметь дела. Отречение от прошлого, стремление во что бы то ни стало быть оригинальным не способствуют духовному

становлению режиссера. Я был в Барселоне, в музее Пикассо. Меня поразило, что художник до 40 лет только подражал. Он прошел все стили, все течения, прежде чем покори́л мир.

— Часто вы ходите в Дом кино?

— Не часто. Но я поражаюсь нашей критике. Если по ней судить, то у нас прямо ренессанс в кино — сплошные шедевры. Такого количества наград, по-моему, никогда не было. Между тем, хороших

то, что было положено по тогдашним советским законам, я не получил. Меня крупно надули начальники. А пресмыкающиеся режиссеры и верхушка кинематографии разъезжали с моим фильмом по фестивалям, имели сладкую жизнь и валюту, а я тем временем едва наскребал деньги на кооперативную квартиру, вообще на жизнь, влезал в долги.

— Я слышала, что вы были опальным режиссером. Вам даже не давали снимать фильмы.

МОСК. КОМСОМОЛЦЫ — 1993 — 17 марта

«СОЛНЦЕ» ЗАГЛЯНУЛО К БРЕЖНЕВУ

фильмов должно быть мало. Если в год появляется 4—5 приличных картин из ста, это значит, что кинематография здорова. За последние 2—3 года я могу выделить, пожалуй, лишь два фильма: «Облако — рай» Николая Достая и «Урга» Никиты Михалкова. Это странно, но сейчас торжествует ленинская теория отражения. Ленин утверждал, что искусство должно отражать жизнь. А задача художника — духовно осмыслить происходящее. Образно, эмоционально осмыслить. Когда так тяжело людям жить, когда такая преступность, такая бедность — зачем изо дня в день талдычить о безысходности, тупике? Для чего? Американцы при их благополучной жизни хотят смотреть триллеры. На здоровье! Но зачем нам-то устраивать соревнования шоковых лент? «Урга» и «Облако — рай» — фильмы о вечных проблемах, вечных истинах. Они резко отличаются от модных потоков в кино.

— Если бы вы жили на Западе, то давно были бы миллиардером. Вам не обидно?

— Да, «Белое солнце пустыни» было куплено более чем ста странами. Но даже

— Я не понимал, что такое классовое сознание, для меня имели вес только общечеловеческие ценности. Когда требовали откликнуться на очередное постановление о рабочем классе или воспеть механизацию села, я отказывался. Вот и невзлюбило начальство. Общечеловеческие ценности для большевиков были как красная тряпка для быка. Меня не только лишили права получать заработанные деньги за фильм. Мне не давали снимать по три—четыре года. «Счастье приходит к каждому, только мы часто сидим в соседнем кабачке и не слышим стука в дверь», — говорил Марк Твен. Так вот я не сидел в кабачке. Я работал много и не отчаивался. Я писал сценарии, подавал идею за идеей, и вдруг что-то проскакивало. «Белое солнце пустыни» сперва не приняли в Госкино, требовали массу поправок. И вдруг картина случайно попала на дачу к Брежневу. Потому что потеряли американский боевик для господ коммунистов. И там подвыпившая компания посмотрела фильм. На следующий день Брежнев звонит министру и поздравляет с удачной картиной. А тот ее даже не видел: душили картину его клерки.

— Что вы помните об Олеге Дале?

— Многим несправедливо казалось, что в «Жене, Женечке и Катюше» Олег сыграл самого себя. Это неправда. Роль ему давалась с трудом. Две пробы он буквально провалил. А потом был труд профессионала и творчество. Олег в жизни был человек замкнутый, погруженный в себя, молчаливый, мрачноватый, а Женя — человек открытый, непосредственный. Все эти качества были сыграны Олегом. После этого фильма Олег стал играть большие роли в кино, хотя о картине было запрещено пи-

сать что-нибудь хорошее. Обругали ее дружно несколько газет. И только Андрей Зорькин в «Московском комсомольце» написал добрые слова.

— Вы сейчас работаете над новым сценарием. Что это будет за фильм?

— Хочу снять картину по мотивам русской классики. Сейчас, как и прежде, напоминание об общечеловеческих ценностях актуально. Нашему обществу необходимо «очистительное» кино. Я не думаю, что существуют художники вне общих направлений. Я предпочитаю искусство романтическое. Погружение художника внутрь себя и субъективный взгляд на жизнь — это мне по душе. Романтическое направление предполагает сильные характеры, острые коллизии, напряженный конфликт. В русской классике всегда отыщется произведение, которое не только отвечает нравственному дефициту в обществе, но и моей потребности исповедаться, что-то отстоять, что-то отринуть. Романтическое искусство меньше всего отвечает ленинской теории отражения.

Леночка СОРОКИНА.

